

Чжао Хунгуан сейчас выглядел так же невинно, как и синичка на его плече, даже немного мило. После слов Цинь Юннэня он улыбнулся и сказал:

— Я понимаю всё, что вы сказали. Хотя мои способности не полностью соответствуют уровню Хань Цзюня, вы забыли один важный момент — нашу степень совместимости. Девяносто пять процентов. Думаю, в Тауэр-зоне у большинства Стражей и Проводников нет такой высокой степени совместимости. А что означает высокая совместимость, все здесь знают. Я не настолько глуп, чтобы ставить на кон свою жизнь и карьеру. Просто я считаю, что мы не должны так легко сдаваться, когда речь идёт о жизни героя.

Ду Ван постучал по столу, и на его строгом лице появилась доброжелательная улыбка. Глядя в уверенные глаза Чжао Хунгуана, он медленно сказал:

— Дитя, похоже, вы нас неправильно поняли. Исполнительный комитет не собирается бросать его. Напротив, мы продолжим лечение Хань Цзюня... до его естественной смерти. Возможно, однажды в Тауэр-зоне разработают лекарство, способное эффективно подавлять синдром берсерка. Поэтому сегодня мы собрались здесь не для того, чтобы одобрить заявление Хань Цзюня на эвтаназию, а чтобы принять особый закон: для таких Стражей, как Хань Цзюнь, сделавших огромный вклад в Тауэр-зону и пользующихся высоким уважением среди населения, Чёрная Башня должна предоставлять лечение без каких-либо ограничений, а не уходить от своих обязанностей с помощью эвтаназии.

— Подождите! Если вы не собираетесь его бросать, почему бы не позволить мне провести ментальную гармонизацию?! Вы же знаете, что обычные методы лечения уже неэффективны, и продолжение их использования лишь продлевает его страдания! — Чжао Хунгуан был молод, а молодёжь всегда более смела, хотя такая смелость в глазах окружающих выглядела как импульсивность.

— Следите за своими словами! — Лин Фэн резко обернулся, чтобы предупредить Чжао Хунгуана. — Вы ещё не Верховный Проводник, и здесь вам не положено выступать.

Чёрная пантера внезапно появилась из воздуха, когда тон Лин Фэна стал более резким. Она оскалилась на Чжао Хунгуана, явно предупреждая его.

Синичка на плече Чжао Хунгуана, казалось, не чувствовала опасности. Её маленькое тельце слегка наклонилось вперёд, она энергично встряхнула густые перья на шее и снова устроилась на плече, продолжая смотреть на пантеру, сверкавшую глазами.

Духовные тела отражают психическое состояние их обладателей. В отличие от агрессивной пантеры, синичка выглядела совершенно спокойной.

Как Проводник уровня S1, Чжао Хунгуан был уверен, что сможет сдержать духовное тело Верховного Стража, если только тот не решит атаковать его физически.

Однако, конечно, человек с положением Лин Фэна не стал бы при всех придирается к молодому Проводнику. Пантера, не добившись своего, быстро исчезла в ментальном море

своего хозяина.

Небольшая сцена закончилась, и в зале снова воцарилась тишина. Все смотрели на Ду Вана, ожидая его слов.

— Хань Цзюнь должен просто жить. Пока он жив, он будет вдохновлять людей. Его уважают, любят, не хотят, чтобы он умер. В это время, когда героев так мало, людям отчаянно нужен символ. Поэтому с самого начала Тауэр-зона не собиралась позволить Хань Цзюню умереть, — с улыбкой произнёс Ду Ван, озвучивая жестокую правду.

После того как Наташа помогла Хань Цзюню принять достаточное количество жидкости и питательного концентрата и дала ему немного отдохнуть, Линь Шаоань попросил её выйти. Дальнейший уход был не совсем подходящим для женщины.

— Остался час, — Линь Шаоань посмотрел на часы. Судя по наблюдениям за приступами берсерка у Хань Цзюня, следующий приступ обычно наступал через два часа после пробуждения. Эти два часа были драгоценным временем для оказания необходимого ухода и лечения.

После того как смирительную рубашку сняли, Хань Цзюнь лежал голый на металлической кровати. Рана на его груди была быстро зашита, но её нельзя было мочить, поэтому перед тем, как начать мыть его тело, Линь Шаоань попросил помощника наложить водостойкий пластырь на рану.

— Поднимите руки над головой, — Линь Шаоань, надевая перчатки, отдал приказ спокойно лежащему Хань Цзюню.

Хань Цзюнь имел возможность мыться один раз в день, и это было время, когда он мог немного расслабиться. Однако, как бы он ни расслаблялся, медицинский персонал не мог позволить себе небрежности. Никто не знал, когда его синдром берсерка ухудшится, и никто не рисковал оставаться беззащитным перед Верховным Стражем, страдающим этим недугом.

— Меня же только что ударили ножом, доктор Лин, — с горькой усмешкой произнёс Хань Цзюнь. Хотя в его голосе звучала жалоба, он поднял руки над головой, как и требовалось. Помощник тут же подошёл и зафиксировал его запястья металлическими наручниками, прикреплёнными к кровати, а затем проделал то же самое с лодыжками.

— Простите, я должен заботиться о безопасности себя и моих помощников, — Линь Шаоань надел маску и направил душ на тело Хань Цзюня, уже покрытое потом. Он был немного чувствителен к запаху пота.

Пять лет назад, когда Хань Цзюня только доставили в Чёрную Башню, он в моменты ясности сознания сопротивлялся такому пассивному лечению и уходу. Он отказывался сотрудничать целый месяц, но у медицинской группы под руководством Линь Шаоаня было слишком много

способов справиться с ним, лишённым свободы пациентом с синдромом берсерка. После того как он понял, что за непослушание его будут принудительно успокаивать, Хань Цзюнь сдался.

— Как приятно, — Хань Цзюнь закрыл глаза и тихо вздохнул, наслаждаясь прохладой воды. Хотя материал смирительной рубашки был достаточно дышащим, для Хань Цзюня, большую часть времени находившегося в состоянии берсерка, это не имело значения. Когда он приходил в себя, его больше всего мучило тело, покрытое липким потом, отчего он мечтал оказаться в море.

— Перевернитесь, — Линь Шаоань поправил маску и временно остановил душ.

Руки и ноги Хань Цзюня были скованы, и из-за долгого пребывания в одном положении на лечебной кровати, несмотря на ежедневные инъекции препаратов для поддержания мышц и слабый массаж, перевернуться ему было непросто. Однако, чтобы его потное тело могло быть полностью вымыто, он изо всех сил постарался повернуться на бок, обнажив спину.

Линь Шаоань терпеливо наклонился, чтобы промыть спину Хань Цзюня. Он редко поручал это другим и, если был свободен, всегда делал это сам.

— Та девочка — дочь моего боевого товарища Су Вэня. Не могу поверить, что она уже такая взрослая, — Хань Цзюнь улыбнулся, вспоминая старого друга.

Из-под маски Линь Шаоаня раздался глухой голос:

— Не время для воспоминаний. Она действительно хотела тебя убить.

— Ха-ха-ха... Она хорошая девочка, это не её вина, — Хань Цзюнь беззаботно рассмеялся, с трудом поворачивая голову, чтобы посмотреть на Линь Шаоаня. — Заступитесь за неё. Я совсем на неё не сержусь. Это моя вина, даже если я был без сознания. Её жизнь только начинается, и она не должна быть запятнана из-за мести за отца, что, по сути, справедливо.

— Сейчас не время беспокоиться о ней. Полчаса назад сюда прибыли члены Исполнительного комитета. Ты должен знать, зачем они здесь, — хотя Линь Шаоань находился в палате, он через беспроводную связь узнал о событиях в Чёрной Башне. Эти высокопоставленные лица, редко собиравшиеся вместе, были крайне заинтересованы в судьбе Хань Цзюня.

<http://bllate.org/book/15254/1345124>